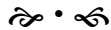

*Городу Новому Орлеану,
который не дает забыть,
что за каждым углом скрывается музыка*

И Виктору, как всегда

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

«*Прощание Невинного*»¹,
Уильям Блейк

Я хотела утром розы тебе преподнести,
Но собрала так много, что не унести,
Так много, что лентой нельзя стянуть.
Узлы порвались. И все розы рассыпались.
Разлетелись над морем, по ветру развеялись,
Усыпали воду, и их уже не вернуть.
Волны вспыхнули алым, точно пламя огня.
Но на моем платье еще остался аромат этого дня...

Вдохни запах воспоминаний.

Les Roses de Saadi,
Марселина Деборд-Вальмор

¹ Перевод С. Маршака.

ЗИМА, 1872
УЛИЦА РУАЯЛЬ
НОВЫЙ ОРЛЕАН, ЛУИЗИАНА

Новый Орлеан — город, которым правят мертвые. Я помню, когда услышала об этом впервые. Старик хотел меня напугать. Он сказал, бывает, что гробы поднимаются из-под земли во время ливня и мертвые наводняют улицы города. Он утверждал, что знает женщину-креолку¹, живущую на улице Дофин, которая может общаться с духами из потустороннего мира.

Я верю в магию. В городе, кишашем иллюзионистами, невозможно сомневаться в ее существовании. Однако я не поверила этому старику. «Уверуй, — предупредил он. — Ибо неверующие одиноки при смерти, они слепы и напуганы».

Я сделала вид, будто его слова меня потрясли. На самом же деле он показался мне забавным. Он принадлежал к тому типу людей, которые запугивают заблудшие юные души историями о созданиях, снующих в тени темных аллей. Однако меня это еще и заинтриговало, так как моя юная душа тоже блуждает. С детства я скрывалась за отглаженными нарядами и отточенными фразами, но эта мысль всегда меня соблазняла. Она звала меня, как Сирена, вынуждая разбить все притворство о скалы и сдаться в объятия своей истинной природы.

Она привела меня туда, где я сейчас. Однако я благодарна. Ибо она помогла мне осознать две истины: у меня всегда будет блуждающая юная душа, независимо от возраста.

И я всегда буду созданием, снующим в тени темных аллей, ожидающим...

Тебя, любовь моя. Тебя.

¹ Креолы — в штате Луизиана так называют лиц белой расы, родившихся в Новом Свете в одном из бывших владений Франции, Испании или Португалии, чьи предки являются выходцами из этих стран.

НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ

ЯНВАРЬ, 1872

НА БОРТУ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО
ПАРОХОДА «АРАМИС»

«Арамис» должен был прибыть с рассветом, как это привиделось Селине во сне. Она должна была проснуться под залитым солнечным светом небом, ветер принес бы запах океана, а город сверкал бы на горизонте.

Полный надежд. Свободный.

Вместо этого, однако, латунный колокол на носу «Арамиса» зазвонил в сумеречный час, в то самое время дня, которое ее подруга Пиппа называла *потемками*. По мнению Селины, это слово звучало очень по-британски.

Она начала собирать такие фразы вскоре после того, как познакомилась с Пиппой четыре недели назад, когда «Арамис» пришвартовался на пару дней в Ливерпуле. Пока что ее любимым оставалось выражение *ни черта подобного*. Тогда Селина не понимала, почему эта фраза показалась ей такой важной. Может, потому что она думала, что британские словечки пригодятся ей в Америке куда больше, чем французские, к которым она привыкла.

Как только Селина услышала звон, она отправилась к правому борту, и легкие шаги Пиппы тут же последовали за ней. Чернильные щупальца ночи тянулись по небу, и призрачный туман окутывал город-полумесяц¹. Воздух будто становился гуще, пока корабль приближался, и две девушки слушали, как «Арамис» пришвартовывается в водах Миссисипи, подплы-

¹ Город-полумесяц (*англ.* Crescent City) — прозвище Нового Орлеана, возникшее из-за его положения в излучине реки Миссисипи.

вая к Новому Орлеану. Прочь от жизни, которую они оставили позади.

Пиппа шмыгнула и потеряла свой нос. В этот миг она выглядела моложе своих шестнадцати лет.

— После всех услышанных историй город не такой красивый, каким я его представляла.

— Он именно такой, каким его представляла я, — сказала Селина ободряющим тоном.

— Не ври. — Пиппа покосилась на нее. — От этого я не почувствую себя лучше.

Улыбка украсила лицо Селины.

— Может, я вру тебе не меньше, чем себе.

— В любом случае ложь — это грех.

— Как и несносное поведение.

— Такого в Библии нет.

— Но должно быть.

Пиппа кашлянула, пытаясь скрыть смех.

— Ты ужасная. Сестры урсулинского монастыря с тобой не совладают.

— Они сделают со мной то же самое, что и со всеми незамужними девушками, которые прибывают в Новый Орлеан со всем своим имуществом в охапке: найдут мне мужа. — Селина заставила себя не хмуриться. Это ведь был ее выбор. Лучший из худших.

— Если ты покажешься им безбожной, то они подберут тебе самого уродливого идиота из всех христиан. Кого-нибудь с носом картошкой и пузом.

— Лучше уж пусть мужчина будет уродливым, чем скучным. А пузо означает, что он хорошо ест, так что... — Селина многозначительно наклонила голову набок.

— Нет, ну правда, Селина, — засмеялась Пиппа, йоркширский акцент вился вокруг всех ее слов, как кружевная лента. — Ты самая неисправимая француженка, которую я встречала.

Селина улыбнулась подруге.

— Могу поспорить, ты не встречала много француженок.

— По крайней мере, не таких, которые разговаривают на английском так же хорошо, как ты. Ты будто рождена для этого.

— Мой отец считал, мне важно научиться. — Селина пожала одним плечом, словно это была вся история, а не лишь малая ее часть. При упоминании об отце (уважаемом французе, который изучал лингвистику в Оксфорде) ее грусть готова была вот-вот вырваться на свободу. Печаль, тяжести которой Селина пока не готова была вынести. Она выдавила из себя кривую улыбку.

Пиппа скрестила руки, точно обнимая себя. Беспокойство отразилось на лбу под ее белокурой челкой, когда подруги продолжили рассматривать город вдаль. До каждой юной девушки на борту доносились слухи о нем. В море эти мифы, которыми они делились друг с другом за чашечкой горького кофе, точно обретали свою собственную жизнь. Переплетались с историями Старого Света и становились еще богаче, еще мрачнее. В Новом Орлеане живут призраки. Город прокляли пираты. Его улицы кишат жуликами. Это последнее пристанище для тех, кто верит в магию и мистику. Более того, поговаривали, что там можно найти женщин, у которых не меньше власти и влияния, чем у любого мужчины.

Селина смеялась над всем этим. А еще осмеливалась надеяться. Может, Новый Орлеан не таков, каким кажется на первый взгляд. Какое совпадение, ведь она тоже.

Если что-то и можно сказать о юных путешественницах на борту «Арамиса», так это то, что возможность существования подобной магии — подобного мира — стала для них жизненно необходимой. Особенно для тех, кто мечтал отделаться от призраков своего прошлого. Стать чем-то лучше и ярче.

И особенно для тех, кто мечтал сбежать.

Пиппа и Селина наблюдали, как приближаются к неизвестности. К своему будущему.

— Мне страшно, — тихо сказала Пиппа.

Селина не ответила. Ночь растеклась по воде, как темные чернила по ткани. Неряшливый моряк балансировал на бимсе с грациозностью воздушного гимнаста, зажигая лампы на носу корабля. Точно в ответ на его призывы, языки пламени

оживали в отражении воды, придавая городу еще более потусторонний зеленый оттенок.

Колокол «Арамиса» зазвонил вновь, сообщая тем, кто в порту, какое расстояние осталось преодолеть кораблю. Остальные пассажиры поднимались на палубу, останавливаясь рядом с Селиной и Пиппой, бормоча на португальском и испанском, английском и французском, немецком и голландском. Юные барышни, которые рискнули покинуть родные дома ради новых возможностей. Их слова превращались в мягкую какофонию звуков, которая — обычно — успокаивала Селину.

Но не сегодня.

С той самой судьбоносной ночи среди шелков в ателье Селина мечтала об уютной тишине. Несколько недель она не чувствовала себя в безопасности в окружении других людей. В безопасности от буйства своих собственных мыслей. В ее внутренних водах наступало затишье лишь рядом с Пиппой.

Когда корабль оказался достаточно близко к причалу, Пиппа внезапно схватила Селину за руку, точно боясь упасть. Селина ахнула. Вздрыгнула от неожиданного прикосновения. Точно брызги крови, попавшие на лицо, соленая вода коснулась ее губ.

— Селина? — позвала Пиппа, широко распахнув глаза. — Что не так?

Дыша через нос, чтобы утихомирить пульс, Селина сжала холодные пальцы Пиппы в своих руках.

— Мне тоже страшно.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Двадцать три пассажира сошли с борта «Арамиса», у каждого с собой простенький чемодан, в котором лежало все их имущество. После сверки документов офицер, стоящий на таможне, пропустил их на американские земли. Час спустя семеро девушек сели в скромную повозку и отправились вдоль ночного города в урсулинский монастырь. Будущее остальных еще поджидало их на причале.

Открытая повозка подсакивала на булыжниках дороги. Вокруг колыхались ветки деревьев, усыпанные яркими бутонами. Цикады и пчелы жужжали во мраке и шептались о потусторонних историях. Тропический бриз веял сквозь ветки большого дуба, стоящего у края маленькой площади. Это тепло казалось Селине странным, особенно не сочетаясь с вечерней прохладой конца января.

Однако она знала, что лучше не жаловаться. У нее дома, в Париже, снег уже наверняка покрывал брусчатку, и там она бы не скоро смогла надеть свое удобное платье из муслиновой ткани, в котором ехала сейчас. Селина вспомнила, как мастерила его в июле из лоскутов, оставшихся от элегантного домашнего наряда, который она шила для одной зажиточной дамы, скандально известной своими зваными ужинами. Тогда Селина представляла, как сама однажды посетит подобное мероприятие, как будет чувствовать себя комфортно среди самых модных представителей парижского общества. Она поразит их своей любовью к Шекспиру и Вольтеру. Придет в этом самом платье насыщенного баклажанного цвета, с пышной юбкой в оборках и рюшах, которые контрастируют с ее бледной кожей. И как она небрежно соберет свои черные

кудри на макушке, по последней моде, чтобы получить благосклонность городских особ.

Теперь Селина посмеялась над своими мыслями, забавляясь над воспоминаниями о семнадцатилетней девчонке, которой она была тогда. Над всем тем, что та девчонка хотела попробовать. Что хотела получить навсегда: попасть в общество элегантных юных особ, для кого шила наряды, о которых те забывали на следующий же день. Шанс влюбиться в симпатичного юношу, который украдет ее сердце стихами и обещаниями.

Сейчас она усмехнулась от одной лишь мысли об этом.

Проведя несколько недель в море в деревянном чемодане, это помятое платье, которое сегодня надела Селина, отражало резкие перемены, случившиеся в ее жизни. Оно не подходило для воскресной службы, а уж тем более не подходило для званого ужина. Думая над этим, Селина уселась поудобнее на своем деревянном сиденье, и корсет сильнее впился ей в ребра. Пластина из китового уса сдавливала грудь при каждом вдохе.

И вдруг учуяла такой сладкий аромат, что забыла обо всем.

Она оглядела площадь, ища его источник. В углу, противоположном от дуба, стояла открытая пекарня, напомнившая Селине о ее любимой булочной на бульваре Монпарнас. Запах жареных пончиков и медленно тающего сахара сочился сквозь вощеные листья магнолии. Рядом на балконе захлопнулись ставни, и решетка с ярко-розовыми цветками бугенвиллей затряслась, а бутоны задрожали, точно от страха. Или, может, от предвкушения.

Смотреть на такую красоту должно быть приятно. Однако красивую решетку будто бы окружало что-то еще, что-то пугающее. Точно бледный палец, показавшийся из-за задернутых штор и заманивающий в темную бездну.

Мудрость подсказывала Селине принять во внимание это предупреждение. Тем не менее она поняла, что уже очарована. Когда же она покосилась на остальных девушек в их повозке (четыре сидели с одной стороны, три с другой), Селина увидела изумленные взгляды, с волнением изучающие округу.